

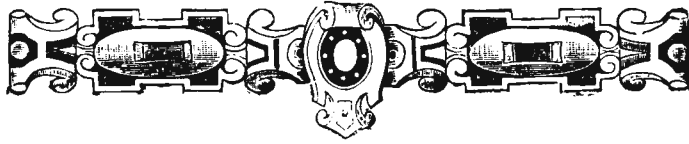

МАРШРУТЪ

слѣдованія колоннъ экспедиціоннаго отряда отъ Чикишляра до
Денгиль-Тене и обратно

Наименованіе пунктовъ.	Число верстъ.
Укр. Чикишляръ.	
Колодцы Бевенъ-Баши (Беумъ-Банъ)	30
„ Дели-Дефе (озеро Дилли)	21
Перепр. Гудры-Олунъ	15
„ Баятъ-Хаджи-Олунъ	29
„ Яглы-Олунъ	22
„ Текинджи-Олумъ	20 ³ / ₄
Укр. Чатъ	24
Перепр. Харъ-Олунъ	21
„ Дузлу-Олумъ	26
мѣсто Бекъ-Тене	18 ³ / ₄
„ Терсъ-Аканъ	11 ¹ / ₂
„ Маргысъ	21
Разв. бр. Ходжамъ-Кала	23
ауль Бендесенъ	24
„ Бами	23
„ Беурма	14
„ Арчманъ	24 ³ / ₄
„ Дурунъ	30
„ Яроджа	22 ¹ / ₂
„ Денгиль-Тене	24 ¹ / ₂
Итого	445 ¹ / ₄

Примѣчаніе. Послѣ отступленія отъ Денгиль-Тене, отрядъ придерживался ближе къ хребту и слѣдовалъ на Карры-Кяризъ, Кяризъ, Каратанъ, Дорунъ и далѣе по прежнему пути вплоть до Яглы-Олуна, откуда слѣдоваль на колодцы Караджа-Батыръ и Чикишляръ. Изъ всего пройденнаго пути только въ Маргысъ не было воды, такъ какъ въ выкопанныхъ колодцахъ находилась соленая вода; во всѣхъ остальныхъ пунктахъ воды было достаточно; начиная съ Ходжамъ-Кала и далѣе въ оазисѣ — воды было въ изобиліи и прекраснаго качества.

БОЙ СЪ ТЕКИНЦАМИ ПРИ ДЕНГИЛЬ-ТЭПЕ 28 АВГУСТА 1879 ГОДА.

(Разсказъ очевидца).

ЧАСТВУЯ, лѣтомъ 1879 года, въ Ахаль-Текинской экспедици и будучи свидѣтелемъ и очевидцемъ боя у аула Денгиль-Тэпе, 28-го августа, я съ нетерпѣнiемъ и живымъ интересомъ ожидалъ описанiй этого дѣла. Только долго спустя начали появляться, наконецъ, въ „Голосѣ“, „С.-П. Вѣдомостяхъ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Новомъ Времени“, извѣстiя о столь памятномъ для насъ боѣ. Гг. корреспонденты пространно описывали мѣстность, движенiе отряда; но самое сраженiе у названнаго аула разсказывали различно; вообще же, всѣ корреспонденци эти страдаютъ многословiемъ и отсутствiемъ истинны. Чтобы сколько нибудь разъяснить обстоятельства дѣла нашего съ текинцами при Денгиль-Тэпе,—беру на себя смѣлость, описать все, какъ было. Я полагаю, что теперь, когда наша не удача блистательно поправлена, когда наши войска еще разъ доказали до какого геройства и самоотверженiя они могутъ доходить подѣ руководствомъ военачальника, съумѣвшаго въ короткое время заслужить ихъ безграничное довѣрiе и любовь, и вдохнуть въ нихъ увѣренность и сознание своей силы,—можно уже говорить правду, не боясь навлечь на себя упрека въ неумѣстной нескромности. Слабья стороны и ошибки бывають во всемъ, и разоблаченiе ихъ, по моему мнѣнiю, можетъ принести только пользу для дѣла.

Для вторженiя собственно въ Ахаль-Текинскiй оазисъ, въ 1879 году, былъ сформированъ передовой отрядъ, который, къ 19-му числу августа мѣсяца, собрался весь въ Бендесене. Отрядъ этотъ, состоявшiй изъ 6-ти баталiоновъ пѣхоты, дивизиона драгунъ, 6-ти сотень

казаковъ и конно-иррегулярцевъ, 12-ти орудій и ракетной батареи ¹⁾, съ 22 го числа не зная отдыха, находясь все время въ движеніи. 22-го и 23-го, мы перевалили черезъ трудно проходимый хребетъ Копеть-дагъ, за которымъ начинается Ахаль-Текинскій оазисъ. Названіе оазиса вполне вѣрное. Горная ключевая вода, протекая, даетъ достаточно влаги для орошенія полей, которые тщательно обрабатываются текинцами; арбузы, дыни, тыквы, джегура (родъ проса—растетъ какъ кукуруза; зерно идетъ на приготовленіе хлѣба, а стволъ и листья—въ кормъ вьючнымъ животнымъ), енжа, хлопчатникъ—густо покрываютъ воздѣланныя мѣста. Первый попавшійся намъ аулъ, Бами, былъ совершенно пустъ и оставленъ жителями; только саманъ въ ямахъ, да арбузы и дыни на поляхъ, достались намъ въ добычу. Здѣсь протекаетъ прекрасный ручей ключевой воды. Сакли у текинцевъ построены изъ глины, смѣшанной съ саманомъ. Весь отрядъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе встрѣтиться съ неприятелемъ, но его слѣдъ какъ будто бы пропалъ.

Изъ Бами мы прошли Беурму, Арчманъ, Дорунъ и остановились въ аулѣ Яроджа. Дневомъ не было. Уже давно носились слухи, что вся текинская молодежь и вообще всѣ способные носить оружіе—собираются въ укрѣпленномъ аулѣ Денгиль-Тѣпе, но мы не придавали особеннаго вниманія и довѣрія этому извѣстію. Жителей, какъ я уже сказалъ, мы нигдѣ не встрѣчали, только въ Арчманѣ остались старики, женщины и дѣти. Въ Яроджѣ отрядъ собрался 27-го августа. На 28-е число назначено было общее выступленіе. Ночь прошла въ разговорахъ, предположеніяхъ и ожиданіи, что-то будетъ завтра! Въ 2 часа пополудни выступилъ авангардъ (3 пѣх. баталіона, ¹/₂ роты саперъ, дивизіонъ драгунъ, одна сотня казаковъ, двѣ сотни конно-иррегулярнаго полка, 4 конныхъ и 4 горныхъ орудія), а въ 5 часовъ утра, главныя силы (3 пѣх. баталіона, одна сотня казаковъ, 4 орудія). Авангардомъ начальствовалъ командиръ Кабардинскаго полка полковникъ князь Долгорукой; главными силами свиты его величества генераль-маіоръ графъ Борхъ.

Въ приказѣ отданномъ по отряду, авангарду предписано было, отойдя 4 версты отъ Яроджа, остановиться и ждать прибытія главныхъ силъ, послѣ чего предполагалось общее движеніе; но авангардъ приказанія этого не исполнилъ, а безостановочно двигался по направленію къ Денгиль-Тѣпе и только не доходя 7—8 верстъ до него

¹⁾ Баталіонъ Эриванскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Кабардинскаго полка, баталіонъ Ширванскаго полка, сводно-стрѣлковый баталіонъ; 1-й дивизіонъ Переяславскаго драгунскаго полка, двѣ сотни Волгскаго казачьяго полка, двѣ сотни Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, двѣ сотни Таманскаго казачьяго полка; 1-й дивизіонъ 4 батареи 20 артиллерійской бригады; 1-й дивизіонъ 1 батареи Терскаго казачьяго войска, 4 горныхъ орудія Красноводской артиллеріи и ракетная батарея изъ 5-й сотни Полтавскаго казачьяго полка.

остановился. Генераль-маіоръ Ломакинъ, принявшій начальство надъ отрядомъ послѣ смерти генераль-адъютанта Лазарева, съ многочисленнымъ штабомъ, наконецъ, догналъ авангардъ, оставивъ далеко за собою колонну графа Борха. Тотчасъ же мы двинулись далѣе. Вдали показались конные текинцы. Авангардъ перестроился въ боевой порядокъ. Впереди была разсыпана стрѣльцовая цѣпь, которая, наступая, наткнулась на слѣпую, старую женщину, высланную текинцами впередъ, какъ повѣріе, что ихъ не побѣдятъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ текинцы стали стрѣлять чаще, а наши молча наступали. Конная полубатарея выѣхала на позицію, 2 горныхъ орудія присоединились къ ней и, ставъ вмѣстѣ, открыли огонь. Перепалка пошла оживленная. Въ часть дня, маленькая, укрѣпленная мельница, лежащая на аркѣ слѣва отъ главнаго укрѣпленія, была занята нашими войсками. Потеря наша при этомъ была ничтожная. Перестрѣлка немного стихла и мы съ нетерпѣніемъ ждали прибытія колонны графа Борха, но увѣ! объ ней не было никакого извѣстія. Успѣхъ у мельницы вскружилъ голову начальнику авангарда; онъ, не рассчитавъ своихъ силъ и мечтая однимъ ударомъ и самому лично покончить съ врагомъ, — повелъ нашъ ничтожный отрядъ на главное укрѣпленіе; но масса текинцевъ встрѣтила штурмовавшихъ залпомъ и мы съ потерями должны были отступить къ мельницѣ и ожидать здѣсь прибытія колонны графа Борха.

Только въ 3 часа пополудни подошли главныя силы. Не смотря на то, что люди находились въ движеніи съ 5 часовъ утра, совершили переходъ въ 28 верстѣ по песчано-бугристой мѣстности, не имѣя все это время капли воды во рту, при сильной жарѣ, имъ не дали даже получасового отдыха, а прямо повели на позицію передъ главнымъ валомъ; артиллерія заняла позицію въ 325 саженьяхъ, пѣхота выслала цѣпь и пошла учащенная стрѣльба. Артиллерія не была сосредоточена, какъ бы это слѣдовало, а разбросана по взводно на большомъ пространствѣ; стрѣльба ея главнымъ образомъ была направлена внутрь укрѣпленія, гдѣ текинцы огромною своею массою напоминали муравейникъ. На наши орудійные и ружейные выстрѣлы текинцы почти не отвѣчали. Всѣ выстрѣлы изъ орудій ложились внутрь укрѣпленія и, по словамъ захваченныхъ въ плѣнъ текинцевъ—нанесли имъ громадный уронъ.

Былъ пятый часъ въ исходѣ; стрѣльба артиллеріи усилилась; въ 5 часовъ войска пошли на штурмъ; орудія на время смолкли; наша пѣхота съ крикомъ ура! бросилась на валъ,—казалось, вотъ конецъ всему дѣлу. Но увѣ! Въ то время когда мы всѣ, предаваясь мечтамъ, думали о легкой побѣдѣ, текинцы огромнѣйшею массою набросились на горсть нашихъ смѣльчаковъ, ворвавшихся въ укрѣпленіе, и, благодаря численному превосходству, принудили ихъ къ отступленію. Наши должны были оставить укрѣпленіе и стали поспѣшно отсту-

пать къ своимъ орудіямъ. Текинцы погнались за отступавшими; говоря правду, наши просто бѣжали и вслѣдствіе паники кинулись прямо на свои же орудія, такъ что артиллеріи стоило большого труда расчистить себѣ интервалъ для стрѣльбы картечью. Шумъ, крикъ, гамъ, разные возгласы, оглашали воздухъ. Наконецъ грянулъ выстрѣлъ картечью: одинъ, другой, третій, четвертый и пятый...

Дерзость текинцевъ не имѣла предѣловъ; наступленіе ихъ было столь стремительное, что только эти пять картечныхъ выстрѣловъ и залпы собравшихся кучекъ пѣхоты остановили непріятеля и то въ 10 — 15 шагахъ отъ орудій. Текинцы не выдержали нашего огня, смѣшались и бросились назадъ; учащенный орудійный и ружейный огонь далъ возможность нашей, выбившейся изъ силъ, пѣхотѣ прійти въ себя и устроиться. Во время этого стремительнаго натиска текинцевъ, когда они подошли такъ близко къ орудіямъ, была самая критическая минута; какъ офицеры, такъ казаки и солдаты, выхватили револьверы и пашеи и ждали послѣдняго момента для одиночной борьбы. Но Богъ спасъ насъ и намъ не пришлось кровью своею окончательно расчитываться съ врагомъ за неумѣлость и увлеченіе нѣсколькихъ лицъ. Текинцы послѣшно отступили и укрылись въ укрѣпленный аулъ, оставивъ на полѣ огромное число убитыхъ и раненыхъ. Мы понесли тоже громадныя потери: офицеровъ убито 7 (5 изъ нихъ изрублены были почти на нашихъ глазахъ), нижнихъ чиновъ—170; ранены: 20 офицеровъ и 253 нижнихъ чина. Къ стыду нашему, до 175 тѣлъ убитыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ (можетъ быть и часть раненыхъ) было нами оставлено подъ укрѣпленіемъ и не подобрано.

Войска наши дрались храбро и стойко, но они ничего не могли сдѣлать потому, что были сильно изнурены; отступая, въ паникѣ, многіе солдаты падали на землю и кричали: „ваше благородіе—моченьки нѣтъ“, „ваше благородіе—патроновъ нѣтъ“, „ваше благородіе—водицы бы испить“.

Было уже около семи часовъ вечера; нужно было думать объ отдыхѣ, ночлегѣ, оставивъ всякія мечты о взятіи укрѣпленія. Рѣшено было отступить съ позиціи и устроиться на ночлегъ у мельницы, гдѣ, переночевавъ, дождаться слѣдующаго утра. Войска начали отходить съ позиціи и собираться къ назначенному мѣсту.

Хаосъ былъ невыразимый; люди страшно утомлены и изнурены, они цѣлый день находились въ пути, ничего не ѣли и не пили; верблюды, не кормленные и не поенные, подняли свой плачъ. Спрашиваютъ—гдѣ такой то изъ начальниковъ? Никто не знаетъ гдѣ онъ; при обращеніи за какимъ нибудь приказаніемъ или разъясненіемъ, каждый отсылаетъ къ другому лицу; всѣмъ имъ какъ будто нѣтъ дѣла и каждый, въ такую грустную минуту, хочетъ свалить съ себя всякій трудъ. Да! необходимо сознаться, что была полнѣйшая неурядица. Кое-какъ, наконецъ, сами войска устроились. Ночь была

холодная; костровъ не приказано было разводять, чтобы не привлекать на себя выстрѣловъ врага. Каждый изъ насъ легъ на мать-сырью землю съ мрачными мыслями; видя такую неурядицу и безтолковщину, никто не рассчитывалъ на хорошій исходъ ночевки и слѣдующаго утра; каждый предполагалъ, что текинцы, воодушевленные успѣхомъ, не выпустятъ насъ изъ своего оазиса и путь отступленія будетъ для насъ тяжелъ и гибеленъ. Изъ офицеровъ только самое незначительное число счастливецъ могли выпить стаканъ чаю; большинство же насъ не имѣли куска хлѣба во рту съ утра. Въ такомъ критическомъ положеніи, никто, конечно, не могъ заснуть. Передъ разсвѣтомъ раздались выстрѣлы; это текинцы пытались тревожить насъ. Разумѣется, въ одну минуту всѣ были уже на ногахъ. Начали выстраивать вагенбургъ и какъ только все было готово—послѣдовало отступленіе. Текинцы провожали насъ выстрѣлами, на которые мы отвѣчали. Первый день нашего отступленія былъ очень тяжелъ; верблюды и лошади уже почти двое сутокъ оставались безъ воды; люди не имѣли пищи тоже другія сутки. Отойдя версты 10—15, мы остановились въ пустомъ аулѣ Кары-Кляризъ и тутъ только свободно вздохнули, морально оправались, напились и утолили голодъ и жажду.

Дальнѣйшій путь нашего отступленія совершенъ былъ почти безъ всякихъ препятствій; только въ двухъ мѣстахъ текинцы отводили намъ воду, но посылаемые драгуны и казаки скоро исправляли отводъ и вода была у насъ опять въ изобиліи.

На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Беурмѣ, 5 сентября, въ семь часовъ утра, рѣшено было, по неимѣнію провіанта и фуража,—отступить вплоть до Дузлу-Олума; но отрядъ отступилъ только до Терсъ-Акана, гдѣ остановился въ ожиданіи приѣзда вновь назначеннаго командующимъ войсками Ахаль-Текинскаго экспедиціоннаго отряда, генераль лейтенанта Тергукасова. Извѣстіе о назначеніи этого боевого, опытнаго и любимаго войсками генерала, подняло духъ въ отрядѣ. Всѣ радовались и ожили. Только такой генераль и могъ возстановить въ войскахъ духъ и увѣренность въ свои силы. Генераль Тергукасовъ прибылъ въ Терсъ-Аканъ, 24 сентября. Тотчасъ же войска начали постепенно отходить далѣе, и 28 числа очистили совершенно Терсъ-Аканъ. Части отряда были размѣщены гарнизономъ въ Дузлу-Олумѣ, Чатѣ и Чикишлярѣ. Почти половина войскъ отпущена въ свои штабъ-квартиры. Многочисленный штабъ, съ приѣздомъ генерала Тергукасова, кончилъ свое ненужное существованіе. Это была обуза для отряда.

Однимъ изъ главныхъ виновниковъ неуспѣха слѣдуетъ, по совѣсти, считать полковника кн. Долгорукаго, который все рвался впередъ и хотѣлъ даже съ 6 ротами сдѣлать дѣло. Какъ начальникъ авангарда, не сообразивъ соразмѣрность силъ противника, оьяненный первымъ успѣхомъ у мельницы, не выждавъ прибытія колонны гр. Борха, онъ

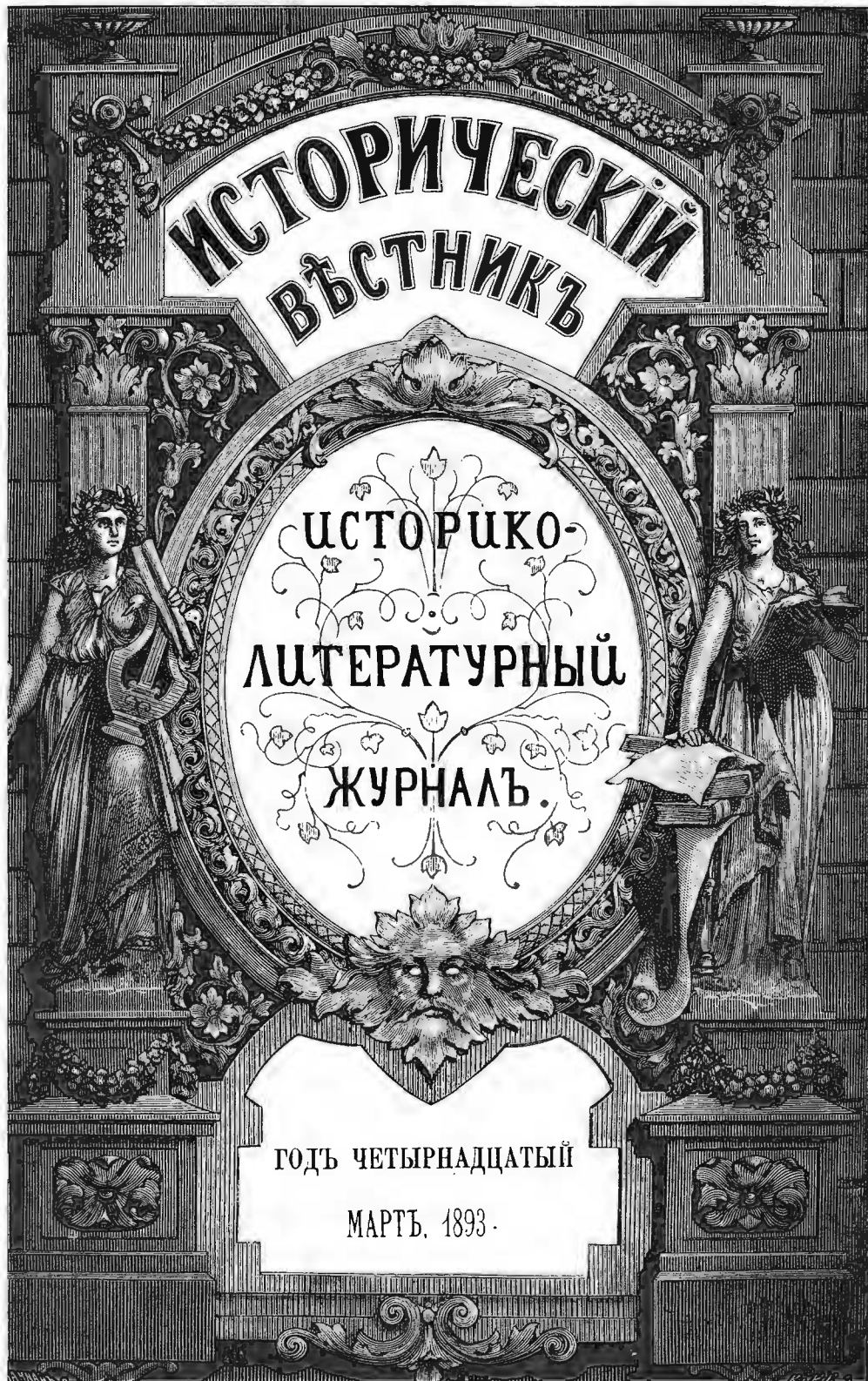
повелъ ничтожныя и утомленные силы авангарда на штурмъ главнаго укрѣпленія и потерпѣлъ неудачу; войска были отброшены и напрасно понесли потери. Вообще, смерть генераль-адъютанта Лазарева была ощутительна въ день 28 августа; можетъ быть, при жизни его ничего подобнаго не совершилось бы, такъ какъ онъ сумѣлъ бы сдержать неумѣстную ретивость нѣкоторыхъ; можетъ быть было бы тоже самое, но всѣ чувствовали, что нѣтъ лица, которое руководило бы дѣломъ и которому бы всѣ безпрекословно повиновались; каждый изъ начальствовавшихъ хотѣлъ сдѣлать дѣло одинъ, безъ помощи другого, чтобы вся честь и слава принадлежали ему одному. Покойный генераль-адъютантъ Лазаревъ былъ бы единичнымъ руководителемъ штурма укрѣпленія и ни кому не позволилъ бы распоряжаться безъ своего участія.

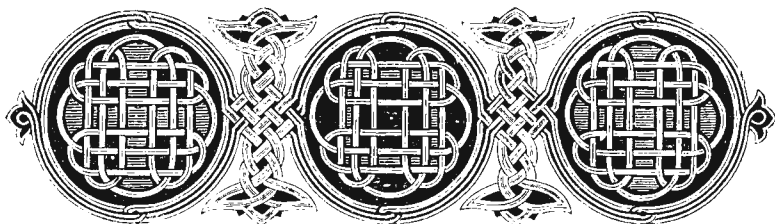
Кромѣ того, изъ состава авангарда и главныхъ силъ видно, что въ авангардѣ находилось болѣе войскъ, чѣмъ въ главной колоннѣ графа Борха; такимъ образомъ не было соблюдено основное тактическое правило, а если бы авангардъ состоялъ изъ меньшаго числа войскъ, то начальникъ его не увлекся бы мечтою легкой побѣды, а долженъ бы былъ остановиться и ждать прибытія главныхъ силъ; тогда можетъ быть и результатъ былъ бы другой. Наконецъ, при приближеніи къ Денгиль-Тэпе не было сдѣлано рекогносцировки, а если бы она была произведена, то увидѣли бы, что со стороны горъ и не много правѣе нашего фронта наступленія, ауль почти не былъ укрѣпленъ и съ этой то стороны всего удобнѣе было его штурмовать, а не лѣзть именно тамъ, гдѣ напимъ утомленнымъ войскамъ приходилось одолѣвать глубокой ровъ, стѣну и валъ. Штурмовыхъ лѣстницъ, когда они дѣйствительно могли бы сослужить службу, не оказалось; хотя г. Алихановъ въ своихъ многословныхъ корреспонденціяхъ, помѣщавшихся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и утверждаетъ, что таковыя были, но войска не видѣли у Денгиль-Тэпе ни одной лѣстницы. Баталіоны не были укомплектованы по военному составу, такъ что въ дѣлѣ въ каждомъ баталіонѣ было не болѣе 230—250 человекъ. При формированіи отряда, не было положено прочнаго, связующаго начала; отрядъ составилъ изъ баталіоновъ и ротъ разныхъ полковъ; такъ напр. сводно-стрѣлковый баталіонъ былъ сформированъ изъ 4 ротъ отъ всѣхъ 4 стрѣлковыхъ баталіоновъ, что, конечно, не могло вселить въ солдатъ единства духа и товарищества.

Однимъ словомъ, всматриваясь безпристрастно во все происходившее въ отрядѣ, какъ во время движенія, такъ и въ несчастномъ дѣлѣ 28 августа, мы пришли къ тому заключенію, что другого результата и не могло быть.

Намъ, участникамъ этаго несчастнаго дѣла, остается только одно горькое воспоминаніе и слабое утѣшеніе, что неудача эта послужила хорошимъ урокомъ для будущаго.

Гр. Демуровъ.

ДѢЛО ПОДЪ ИКАНОМЪ.

(Разсказъ очевидца).

ЕКАВРЯ 4-го, 1864 года, до города Туркестана дошли слухи, что партія коканцевъ показалаь около Чилика, который находится верстахъ въ 50-ти отсюда. Вслѣдствіе этого была приостановлена отправка снаряженнаго въ Чимкентъ транспорта, и, чтобы узнать вѣрнѣе о коканцахъ, была послана въ деревню Иканъ¹⁾ команда казаковъ въ числѣ 109 чел. подъ начальствомъ эсаула Уральскаго войска Сѣрова, три дня передъ тѣмъ прибывшаго изъ форта Перовскаго. При командѣ находился одинъ горный единорогъ, а всѣ казаки были вооружены нарѣзными ружьями²⁾. На пути отряду встрѣтились двое киргизовъ-волонтеровъ (у одного была ранена лошадь), сообщившихъ, что подъ самымъ Иканомъ восемь человекъ изъ нихъ, посланные съ бумагами въ Чимкентъ, попались въ руки коканцевъ.

Продолжая идти впередъ, Сѣровъ послалъ въ г. Туркестанъ спросить коменданта: что ему дѣлать? и получилъ приказаніе: идти на рысяхъ далѣе³⁾.

¹⁾ Иканъ, маленькая крѣпостца, въ которой жили мирные коканцы, находится въ 25-ти верстахъ отъ г. Туркестана.

²⁾ Это первые казаки, которымъ дали такія хорошія ружья; до того времени наше войсковое начальство не обращало вниманія на вооруженіе и смотрѣло только, не вникая въ качество оружія, чтобы казакъ былъ красиво одѣтъ, что, разумѣется, совершенно не нужно въ степи. Хорошая лошадь съ ружьемъ, сѣрый плащъ, пары двѣ рубахъ и сапогъ — и больше казаку ничего не нужно.

³⁾ При чемъ было сказано: «чего онъ труситъ: у него дѣлая сотня».

Не доходя до Икана версты четыре, что было уже вечеромъ, наши замѣтили впереди огни. Догадываясь, что это былъ станъ непріятеля, Сѣровъ послалъ жожака-киргиза узнать положительнѣе; но киргизъ, только что отдѣлившись отъ отряда, былъ встрѣченъ коканскимъ развѣздомъ. До этого ни авангардъ, ни боковые патрули наши во всю дорогу не видѣли коканцевъ.

Отрядъ началъ отступать, чтобы выбрать получше позицію, и, не пройдя полуверсты, моментально былъ окруженъ огромнымъ скопищемъ непріятеля. Наши остановились, сѣпились и, подпустивъ враговъ на самое близкое разстояніе, такъ плюнули изъ ружей и картечью изъ единорога, что коканцы понялились назадъ; затѣмъ они не разъ пробовали дѣлать нападенія, но всегда были отбиваемы.

На первый разъ уронъ непріятеля былъ порядочный. Видя, что ничего не подблаетъ, коканцы отошли на благородную дистанцію, выставили три орудія и начали посылать въ отрядъ гранаты, осколками которыхъ не мало побито было лошадей и верблюдовъ; казаки же успѣли подблатъ кое-какіе завалы изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ. Такъ прошла ночь на 5-е число. Непріятельская конница, построенная въ боевомъ порядкѣ, насторожѣ стояла кругомъ.

Чтобы обмануть непріятеля, казаки передвигали единорогъ съ одного фаса на другой и дѣлали выстрѣлы, показывая этимъ, что орудіе у нихъ не одно, а утромъ 5-го не стрѣляли вовсе, чтобы не разочаровать противника и поберечь заряды, которыхъ всего было 42. Весь этотъ день Сѣровъ, ободря казачковъ, говорилъ имъ, чтобы не тратили зря патроновъ и держались стойко, что скоро выплютъ къ нимъ выручку. Коканцы между тѣмъ начали подвозить изъ-подъ Икана камышъ и мелкій лѣсъ для устройства мантелетовъ и какихъ-то щитовъ на арбахъ.

Часа въ четыре по полудни, въ сторонѣ Туркестана слышались выстрѣлы изъ ружей и пушекъ: это былъ, какъ послѣ оказалось, отрядъ, высланный изъ Туркестана на выручку сотни (150 человекъ пѣхоты, при 2-хъ орудіяхъ, при 1 офицерѣ, подъ командой поручика Сукорка).

Ожили наши, заслыша выстрѣлы, и хотѣли броситься въ штыки; но скоро выстрѣлы стали слышны тише и рѣже, потомъ смолкли совсѣмъ... Вскорѣ изъ стана непріятеля подбѣхалъ къ отряду коканецъ съ запиской въ рукахъ; спѣшившись, онъ передалъ ее высланному казаку. Записка была писана на татарскомъ языкѣ, съ печатью Алимкула¹⁾; содержаніе ея было слѣдующее: «Начальнику пришедшаго караула. Слова мои слѣдующія: куда теперь уйдешь

¹⁾ Алимкуль—регентъ ханства.

отъ меня? отрядъ, высланный изъ Азрета ¹⁾, разбить и прогнать назадъ; изъ тысячи твоего отряда ²⁾ не останется ни одного. Сдайся и прими магометанскую вѣру; никого не обижу изъ васъ. Слова мои истина. Переводилъ киргизъ Ахмать».

Какой былъ данъ отвѣтъ на это наивное предложеніе, показываетъ самое дѣло.

Стрѣльба непріятели усилилась; гранаты и ядра летали безпрестанно, и разрывало ихъ большею частію надъ самыми головами и въ срединѣ отряда, причиняя вредъ болѣе лошадямъ и верблюдамъ, которые стояли на небольшой возвышенности; не мало помято было и ружей. Изъ людей только четверо были контужены.

Теперь скажу нѣсколько словъ о томъ, что дѣлалось въ г. Туркестанѣ. Вскорѣ за высылкою сотни Сѣрова, чабары (гонцы) одинъ за другимъ давали знать, что коканцы близко и что уже подходятъ къ Икану. Послали было вернуть сотню, но уже поздно: вдали слышались выстрѣлы... Вечеромъ 4-го числа, когда уже стемнѣло совсѣмъ, часовой съ барбета цитадели замѣтилъ вдали чуть мелькавшій временами орудійный и ружейный огонь. Сердце сжималось отъ боли за своихъ; все засуетилось въ Туркестанѣ: высыпался по стѣнамъ народъ, задвигали орудія, зажгли фитили. Каждый офицеръ командовалъ фасомъ; явились въ строй даже смотритель магазина и ветеринаръ. Внутри города завалили ворота, и стояли на караулѣ толпы жителей. Аксакалы (старики изъ жителей) просили дать имъ пушку и хоть сколько нибудь солдатъ; но, разумѣется, получили отказъ, потому что въ гарнизонѣ не было и 500 человекъ. «Мы ваши, — говорили они, — вы насъ и защищайте». Такъ прошла первая ночь. Посланные для развѣдываній киргизы возвратились ни съ чѣмъ.

Утромъ 5-го числа всѣ офицеры, собравшись въ управленіе коменданта, рѣшили подпискою непремѣнно послать выручку. Были, впрочемъ, и такіе голоса, что лучше пожертвовать сотнею, чѣмъ отдать Туркестанъ, ослабивъ высылкою и безъ того малочисленный гарнизонъ.

Идти съ отрядомъ охотно вызвался подпоручикъ Сукорко, обѣщавшій, въ случаѣ нужды, штыками пробиться до сотни. Часовъ въ 11 утра Сукорко съ отрядомъ выступилъ по направленію къ Икану. Пальба вдали не умолкала. Вечеромъ Сукорко вернулся назадъ; послѣ мы узнали, что, выйдя за окрестные сады, онъ получилъ записку отъ коменданта такого содержанія: «П. Л.! Если встрѣтятся вамъ огромныя силы, то, не выручая сотни, вернуться

¹⁾ Азретомъ называютъ Туркестанъ.

²⁾ На тысячу шаговъ казаки отлично били орудійную присаугу и вообще держались молодецки, стараясь укрываться днемъ, чтобы не показать своей малочисленности, чѣмъ и успѣли обмануть коканцевъ, которымъ показалось, что тутъ не сотня, а тысяча.

назадъ, дабы дать возможность усилить здѣшній гарнизонъ». Записка эта испортила все дѣло. Болѣзненно стучало сердце каждаго. «Бѣдныя казаченьки!» — думалъ я.

Получивъ записку и не видя препятствій, Сукорко слѣдовалъ далѣе. Непріятель замѣтилъ подходившій отрядъ и густыми колоннами началъ двигаться къ Туркестану, окруживъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, но не подходя близко. Наши открыли огонь изъ ружей, изрѣдка посылая картечь, но почти бесполезно. Такъ двигались наши впередъ, а коканцы къ Туркестану, что даже видно было съ Азрета.

Версты 4 не доходя до сотни, вспомнилъ Сукорко о запискѣ и, не смотря на желаніе и просьбы всей роты и бывшаго съ нимъ подпоручика Степанова ¹⁾ подвинуться до одной возвышенности сажень 300 впередъ, вернулся назадъ, также отстрѣливаясь.

Эти-то выстрѣлы и слышали наши казаки и чуть не прыгали отъ радости, думая теперь одолѣть коканцевъ.

Вернувшись въ крѣпость, Сукорко сообщилъ, что сотня наша въ Иканѣ. Коканцы, проводивъ отрядъ Сукорка до города, расположились въ окрестныхъ садахъ. Дурацкія трубы ихъ слышались даже въ цитадели. Страшно досадно было на Сукорка, но больше того на коменданта и комиссіонерішку П—ва, посовѣтовавшаго послать записку.

Вечеромъ того дня, когда коканцы подходили къ городу, страшная суега поднялась въ крѣпости: ударили тревогу, снова разсыпались по стѣнамъ солдатики съ ружьями; многіе офицеры (въ числѣ ихъ и я) перевели свои семейства въ цитадель. Болѣло сердце за родныхъ казаковъ, и радостно щекотало самолюбіе, что вотъ де и мы, туркестанцы, будемъ имѣть дѣло. При наступленіи ночи четверо коканцевъ подѣзжали къ воротамъ укрѣпленія, но очень счастливо улепетнули изъ-подъ выстрѣловъ.

Вскорѣ послѣ этого являются, точно выходцы съ того свѣта, два казака и одинъ киргизъ изъ отряда Сѣрова. Смотримъ и не вѣримъ глазамъ: оказывается, что, не видя помощи и не зная, къ чему это отнести, Сѣровъ распорядился послать въ Туркестанъ дать знать о своемъ затруднительномъ положеніи. Трое, посланные въ правую сторону отъ отряда, встрѣтили коканскій разъѣздъ, сдѣлали выстрѣлъ изъ револьвера и вернулись къ своимъ. Немного спустя, они снова отправились лѣвой стороною и, удачно пробравшись недалеко отъ огней непріятели, цѣпи его и пикетовъ, дали знать о положеніи дѣлъ въ отрядѣ. Удальцы эти были казаки: Андрей Борисовъ, Акимъ Черновъ и киргизъ Ахметъ. Съ ними была прислана и записка Алимкула. Они передали, что коканцы, пытавшіеся не разъ дѣлать нападенія, были отбиваемы съ значительной для нихъ

¹⁾ Славная личность и герой Акъ-Булака.

потерей, отступили и начали устраивать огромные туры и щиты на арбахъ. «Хотятъ подкатомъ идти,—говорили казаки,—и наши если продержатся до утра—слава Богу! Просятъ помощи. Коканцевъ видимо-невидимо!».

— Не знаю, что дѣлать!—говорилъ комендантъ, пожимая плечами.

Въ числѣ прочихъ совѣтоваль и я послать снова выручку, доказывая, что коканцы ничего не подѣлаютъ: примѣръ—Акь-Булакъ и то, что двое сутокъ сотня держится, и проч.

— Это безуміе,—было отвѣтомъ:—городъ обложенъ!

Разсвѣтало. Въ ночь на 6-е число выстрѣловъ со стороны Икана не было слышно. Долго эту ночь разспрашивалъ я Борисова и гонялся вмѣстѣ съ нимъ.

— Батюшки! что дѣлаютъ,—говорилъ онъ, всплескивая руками:—не хотятъ и выручить!

Утромъ всталъ я и пошелъ въ цитадель къ г. А., у котораго была семья моя; говорю ему, что намѣренъ собрать офицеровъ и просить ихъ настаивать у коменданта общими силами послать опять выручку; но только что я вышелъ съ этимъ намѣреніемъ за ворота, какъ узналъ, что комендантъ собираетъ всѣхъ въ управленіе. Коканцевъ уже не было въ окрестностяхъ: всѣ они убрались къ Икану еще ночью.

Забылъ я сказать, что 5-го числа, часа въ 4 по полудни, жители здѣшніе привели одного коканца, взятаго въ садахъ. Какъ поймали, не знаю; это былъ флейтистъ изъ арміи Алимкула; при немъ была и дудка изъ бамбука, перевитая шелкомъ.

Иду къ коменданту; на дворѣ большая группа солдатъ. Спрашиваю: «что такое?» и узнаю, что дерутъ флейтиста, который послѣ нѣсколькихъ нагаекъ повторялъ: «стойте, сейчасъ скажу правду!» и говорилъ чистѣйшую ложь: сначала говорилъ, что подъ Иканомъ человѣкъ 300, потомъ—600 и съ ними Садыкъ¹⁾; наконецъ сказалъ—2 тысячи и съ ними Алимкуль; на самомъ же дѣлѣ, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, коканцевъ было подъ Иканомъ до 15 тысячъ.

6-го декабря, около полудня, изъ Туркестана вышло 200 человѣкъ пѣхоты, опять подъ командой Сукорка, на выручку нашихъ.

Возвращаясь къ отряду Сѣрова. Утромъ этого дня (6-го), замѣтивъ, что мантилеты были уже готовы, онъ, чтобы выиграть какъ нибудь время, пустился на хитрость: выйдя впередъ, махнулъ въ сторону непріятеля рукой, показывая, что хочетъ вступить въ переговоры. Къ нему явился коканецъ съ ружьемъ въ рукахъ, которое тутъ же положилъ на землю.

— Сегодня у насъ праздникъ, и намъ не хотѣлось бы начинать дѣла,—сказалъ Сѣровъ.

¹⁾ Бывшій сподвижникъ Мурзы-Давлета и одинъ изъ главныхъ предводителей въ войскѣ Алимкула.

Коканецъ отвѣчалъ, что онъ и самъ русскій, и совѣтуетъ лучше сдать: Алимкулъ де обѣщаетъ сдѣлать Сѣрова также начальникомъ и дать аргамака съ золотой збруей. Въ это время коканцы уже начали катить мантелеты. Сказавъ, что при переговорахъ наступленій не дѣлается ¹⁾, Сѣровъ вернулся на позицію, а между тѣмъ три чалмоносца крались къ нему, намѣреваясь убить или схватить живаго, но казаки, раньше замѣтившіе эту продѣлку, кричали: «уйдите, ваше благородіе, мы стрѣлять будемъ!»

Между тѣмъ у единорога послѣ 8-го выстрѣла сломалось колесо; артиллеристы, съ помощію казаковъ, живо сняли колесо изъ-подъ ящика съ зарядами и кое-какъ прикрѣпили веревками, но орудіе не могло вращаться и его приходилось не разъ передвигать на спинахъ и рукахъ съ одного мѣста на другое; когда же были ранены всѣ артиллеристы, казакъ Терентій Толкачевъ ²⁾ самъ поворачивалъ и заряжалъ единорогъ. Однимъ выстрѣломъ картечью онъ пробилъ щитъ, и видно было, какъ сарбазы понесли на рукахъ нѣсколько своихъ.

Все ближе и ближе двигались къ отряду съ разныхъ сторонъ мантелеты и щиты; за ними шла непріятельская пѣхота, пытавшаяся кинуться въ пашки, но, получая отпоръ, отходила назадъ. Съ двухъ сторонъ непріятель удачно подошелъ къ канавкѣ и сталъ сильно донимать перекрестнымъ огнемъ. Видя свое критическое положеніе, наши заклепали единорогъ и съ крикомъ «ура» кинулись на проломъ, выстрѣлами открывая путь. Первый шагъ стоилъ отряду 36-ти убитыхъ и нѣсколькихъ раненыхъ. Коканцы бросились на оставленную позицію, хватая и забирая все, что попало подъ-руку. Нѣсколько человекъ, говорятъ, взяли за единорогъ: тащатъ, но не осилить, а сами оглядываются, какъ бы не вернулись русскіе... Съ гикомъ непріятельская конница начала наскакивать и стрѣлять со всѣхъ сторонъ, но недешево продавали себя казаки и невольно заставили непріятели держаться подалше. Коканская конница, заскакивая впередъ, спѣшивалась, ставила ружья на рожки и съ двухъ сторонъ стрѣляла въ отрядъ. Сильно раненые безпрестанно падали и оставались на дорогѣ; товарищи отбирали у нихъ ружья и патроны, тутъ же ломали и бросали по пути.

Въ виду отряда, коканцы, какъ звѣри, кидались на раненыхъ, кололи ихъ пиками и рубили пашками, снимая головы; нѣкоторые изъ казаковъ, будучи еще въ силахъ, защищаясь, бросали въ глаза непріятели горсти снѣга...

¹⁾ Переговорами, вѣстакъ, было выиграно времени часа два. Прежде не разъ высылали казакъ Толкачевъ.

²⁾ Онъ остался живъ и при соединеніи съ отрядомъ Сужорка, не смотря на раны, не пошелъ на перевязку.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1893 г., т. 11.

Долго шель бѣдный Абрамичевъ ¹⁾: первая пуля попала ему въ голову, вторая въ бокъ, но онъ шель, поддерживаемый подъ руки; наконецъ, разомъ двѣ пули хватили въ обѣ ноги; онъ упалъ и остался послѣднимъ, не дошедшимъ до мѣста соединенія съ отрядомъ Сукорка. «Рубите скорѣе голову, не могу идти!»—были послѣднія слова его. Былъ онъ въ темносѣромъ длинномъ плащѣ, въ огромной папахѣ, отчего очень выдѣлялся отъ остальныхъ и привлекалъ выстрѣлы непріятели; ему совѣтовали снять и бросить папаху, но онъ не послушалъ.

Подъ сильнымъ градомъ перекрестныхъ пуль шель отрядъ около восьми верстъ. Многие раненые падали, снова съ усиліемъ поднимались и шли отстрѣливаясь.

Солдаты отряда Сукорка, завидѣвъ своихъ, двѣ версты бѣжали на выручку съ крикомъ «ура». Встрѣча эта была праздникомъ, какихъ немного бываетъ въ жизни: всѣ обнимались, плакали и цѣловали другъ друга.

«Не нахожу словъ, чтобы вполнѣ высказать всѣ подвиги своихъ лихихъ удалцевъ-товарищей и вѣрныхъ слугъ государя: не было ни одного, который чѣмъ либо не заявилъ себя. Эта храбрая горсть, пробиваясь между тысячъ непріятели, не смотря на сильный холодъ, побросала съ себя послѣднюю одежду и, вся измученная и израненная, шла въ однѣхъ рубашкахъ, съ ружьемъ въ рукахъ, кровью обливая путь свой».

Такъ заключилъ свое донесеніе эсаулъ Сѣровъ. Было уже темно, когда вочеромъ 6-го числа отрядъ съ пѣснями подходилъ къ городу. Всѣ офицеры и комендантъ вышли на встрѣчу къ воротамъ и, стоя на барбетѣ, кричали «ура», кричали и раненые, которыхъ везли на нѣсколькихъ телѣгахъ; проводили ихъ потомъ до госпиталя, куда нѣкоторые офицеры вносили ихъ на рукахъ своихъ, поили чаемъ, раздавали хлѣбъ (двое сутокъ не ѣли и не пили наши герои). Удивительно, что это за молодцы: рѣдкій не имѣлъ пяти, или шести ранъ, и ничего—смѣются и рассказываютъ, какъ они били коканцевъ... На одной телѣгѣ у крыльца госпиталя полулежалъ старый казакъ, причитывая будто про себя: «о, батюшки, что сдѣлали! о, батюшки, что надѣлали!». Слова эти были точно упрекомъ, что поздно выручили... Спрашиваю, куда раненъ.

— Въ голову, ваше благородіе, да вотъ въ ногу и руку, — отвѣчалъ спокойно старикъ, потомъ усмѣхнулся и продолжалъ:—ну, да и я оставилъ имъ память! вотъ у одного тамыра (пріятели) даже ножикъ взялъ.

Онъ показалъ небольшой ножъ. Слушая его, можно было подумать, что онъ совершенно здоровъ, но когда стали снимать его съ телѣги, онъ сильно кричалъ: «батюшки, ногу! родимые, ногу!».

¹⁾ Сотникъ изъ отряда Сѣрова, года три назадъ выпущенный изъ Московскаго кадетскаго корпуса.

Три дня спустя выслали отрядъ собрать тѣла убитыхъ: привезли 57 человѣкъ—голыхъ, изрубленныхъ, безголовыхъ и въ разныхъ положеніяхъ: у одного рука, сложенная крестомъ, замерла на плечѣ, другой какъ будто защищается, третій наноситъ ударъ... Абрамичева узнали только по носку на одной ногѣ; около него въ крови лежалъ карманъ, съ частью изорваннаго лампаса; лѣвой рукой онъ будто замахнулся, а пальцы были изрублены.

10-го декабря положили героевъ въ одну большую могилу, накрыли холстомъ и, отслуживъ панихиду, засыпали землю. Не одна слеза упала на свѣжую насыпь...

Много пройдетъ времени, много воды утечетъ, и все еще будутъ указывать на небольшой курганъ, гдѣ богатыри сложили свои кости. Миръ праху вашему, герои! Славную и небывалую страницу занесли вы въ исторію нашего войска.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, коканцевъ убито и ранено до 2-хъ тысячъ. Подъ Алимкуломъ ранена лошадь. Непрiятель убрался въ Ташкентъ и на 40 арбахъ повезъ своихъ раненыхъ, а шель было отнимать у насъ Туркестанъ.

Будутъ помнить коканцы Иканское дѣло. Единорогъ, говорятъ, повезли чуть ли не на пяти верблюдахъ: на одномъ колеса, на другомъ лафетъ, на третьемъ ящикъ. Головы нашихъ были сложены на особой арбѣ и отвезены подъ карауломъ. Жителей Икана и Чилика погналы босыми до Ташкента.

Л. Алексѣевъ.

